

Что? — Янь Минъян мгновенно оживился. Он обошел мрачного, как туча, Пэй Яня и втиснулся на стул рядом с Чжоу Дафэем. — Ты с финансового?! Бакалавриат? А гражданство у тебя какое?

Для самого Янь Минъяна принадлежность к одному факультету была поводом для гордости и отличной темой для светской беседы, а вот для Чжоу Дафэя — запретной темой, о которой он предпочитал не вспоминать.

Сейчас он задыхался сильнее, чем когда господин Ли заставлял его пить. И эту горечь невозможно было высказать вслух.

С трудом переведя дыхание, Чжоу Дафэй попытался сохранить лицо и сухо ответил сразу на три вопроса:

— Да.

— Надо же, значит, ты мой младший сокурсник, — глаза Янь Минъяна блеснули. Опершись на спинку стула Чжоу Дафэя, он улыбнулся сидевшему напротив режиссеру: — Режиссёр Ся, у ваших людей в группе глаз-алмаз. Сразу поняли, что мой младший коллега для массовки слишком хорош.

Ся Жусэнь промолчал.

Ну да, конечно.

Янь Минъян был мастером светской беседы и даже не ждал ответа от угрюмого мэтра. Переведя взгляд на Пэй Яня, он спросил:

— Режиссёр Пэй, когда снимешь фильм для моего младшего сокурсника? Я обязательно подкину денег на проект.

Пэй Янь выдавил фальшивую улыбку. Он смотрел на Янь Минъяна, но взгляд его, полный ледяной насмешки, был устремлен на Чжоу Дафэя:

— Вот как?

От этого взгляда у Чжоу Дафэя мурашки побежали по коже. Он просто отвернулся, отказываясь смотреть Пэй Яню в глаза.

— Послушай, — Янь Минъян продолжал навязывать свое дружелюбие, — как тебя занесло к Пэй Яню после финансового? Так любишь кино?

— Да, — Чжоу Дафэй ответил прямо. — Хочу работать в этой индустрии.

До сих пор молчавший Ся Жусэнь поднял глаза на Чжоу Дафэя и весомо, явно метя в Пэй Яня, произнес:

— Кино — искусство с высоким порогом. Сюда не берут всякого встречного-поперечного.

— Я знаю, — Чжоу Дафэй прекрасно понимал, что слова Ся Жусэня — шпилька в адрес Пэй Яня, но все равно ответил серьезно: — Знаю, что сейчас я еще не дорос. Но я буду работать. Ради своей мечты я готов отдать все и посвятить ей жизнь.

Ян Тянь слегка нахмурился и искоса глянул на Пэй Яня. Тот сидел с совершенно непроницаемым лицом, будто его это вообще не касалось.

Очевидно, что эти слова Чжоу Дафэй адресовал не столько Ся Жусэню, сколько самому Пэй Яню.

Ся Жусэнь ничего не добавил. Зато Янь Минъян прищурился и с любопытством дилетанта продолжил расспросы:

— Раз так любишь... какой твой самый любимый фильм?

Стоило ему договорить, как Чжоу Дафэй почувствовал, что к нему приковано внимание всех сидящих за столом.

Назови он сейчас картину Ся Жусэня — и сцена превратилась бы в изощренный фарс. Тогда либо Пэй Янь придушил бы его на месте, либо наоборот.

Но перед лицом искусства Чжоу Дафэй всегда оставался предельно честен. Он не стал долго думать и назвал то, что действительно лежало на душе:

— «Декалог».

— «Декалог»? — Янь Минъян явно запутался. — Это фильм? Не библейский сюжет?

— Есть такой фильм, — глубоким голосом произнес Ся Жусэнь.

Сердце Чжоу Дафэя пропустило удар. Говорить об искусстве с признанным мастером, чье творчество тебя вдохновляет, — волнующий момент для любого начинающего кинематографиста.

— Снят в 1956 году американским режиссером Демиллем, — неторопливо продолжил Ся Жусэнь. Он даже посмотрел на Чжоу Дафэя с легким одобрением, словно его мнение об этом парне улучшилось. — История жизни Моисея, от рождения до исхода из Египта. Картина даже получила «Оскар» за лучшие спецэффекты.

— А-а... — протянул Янь Минъян. — Режиссёр Ся, вы поразительны. Помните фильмы, которые старше моих родителей.

Странно, но Пэй Янь на этот раз проявил редкое хладнокровие. Он не вставил ни одного язвительного замечания и просто молчал.

Атмосфера за столом потеплела. Пока остальные обсуждали фильм, Чжоу Дафэй вежливо помалкивал, лишь мягко улыбаясь в нужных местах.

Однако его пульс быстро пришел в норму, а радостное возбуждение угасло.

Ся Жусэнь был человеком глубоких познаний, но фильм «Десять заповедей», о котором он говорил, не имел ничего общего с любимой картиной Чжоу Дафэя. Тот имел в виду польский «Декалог» Кшиштофа Кесьлёвского — в китайском переводе названия этих шедевров звучали одинаково, рождая невольную путаницу.

Обед закончился быстро. Янь Минъян объявил, что поскольку всем еще работать во вторую смену, алкоголь подавать не будут, в шутку добавив, что дело вовсе не в его скупости.

Ся Жусэнь выглядел так, словно его привели сюда насильно. Едва закончив трапезу, он поспешно распрощался, сославшись на тяжелый съемочный график.

Янь Минъян не стал никого удерживать и тепло со всеми попрощался.

Ян Тянь тихо спросил Чжоу Дафэя:

— Мы возвращаемся на площадку. А ты?

— Я поеду на виллу, — не задумываясь, ответил Чжоу Дафэй. — Не хочу торчать на съемочной площадке в качестве живого талисмана под прицелом сотен глаз.

Пэй Янь и Янь Минъян еще собирались обсудить дела. Ян Тянь увел Чжоу Дафэя, пообещав добросить его до дома. Вместе с ними ушел и Шэнь Цзуй. Янь Минъян напоследок бросил ему пару слов, сказав, чтобы тот обращался, если возникнут проблемы.

Пока Ян Тянь вежливо прощался с Янь Минъяном и просил Пэй Яня держать себя в руках, Чжоу Дафэй уже стоял у входа в отель, ожидая машину.

Ему не терпелось убраться отсюда.

И дело было не только в Пэй Яне. Сам Янь Минъян вызывал у него смутную тревогу.

Автомобиль для Шэнь Цзюя уже стоял у подъезда. Спустя пару минут после его отъезда показался секретарь Ли на своей машине.

Чжоу Дафэй не дергался — нужно было дожидаться Ян Тяня.

Ли посмотрел на него с явным замешательством. Чжоу Дафэй понимал причину: секретарь наверняка стал свидетелем утреннего позора у съемочной площадки «Весеннего пристанища», когда их машина слишком уж заметно покачивалась на глазах у всей группы.

Но сейчас Чжоу Дафэю было уже все равно. Пэй Янь давно растоптал его гордость, подчинив своей воле.

Вскоре вышел Ян Тянь. Сев в салон и захлопнув дверь, он распорядился: Пэй Янь и Янь Минъян задерживаются, поэтому секретарь Ли сначала отвезет Чжоу Дафэя на виллу, затем доставит Ян Тяня на площадку, а после вернется за режиссёром Пэй.

Разобравшись с водителем, Ян Тянь повернулся к Чжоу Дафэю. Несколько секунд он молча разглядывал парня, словно решаясь на важный разговор.

Чжоу Дафэй искренне уважал оператора и никогда не позволял себе дерзить ему:

— Оператор-постановщик Ян, что-то не так?

— То, что ты сказал за столом... о желании снимать кино. Это ведь были серьезные слова?

— Абсолютно, — подтвердил Чжоу Дафэй.

— Тогда тебе придется слушаться Пэй Яня, — произнес Ян Тянь вещь, которую Чжоу Дафэй меньше всего ожидал услышать. — Куда велит сесть — садись. Что велит делать — делай.

Чжоу Дафэй опешил.

— Потому что Пэй Янь — режиссер, — твердо добавил Ян Тянь. — Не моя операторская группа, не осветители, не звуковики и не монтажеры. Только Пэй Янь.

— Ты и сам понимаешь: режиссура — это не просто сумма усилий всех цехов. Это координация, создание единого целого. И здесь требуются колоссальные профессиональные знания. Пэй Янь

может не нравиться тебе как человек, он может не соответствовать твоему идеалу мастера, но он — режиссер. И только он способен научить тебя этой профессии.

Разговор между Янь Минъяном и Пэй Янем не затянулся. По сути, Янь Минъян просто выполнял роль лоббиста для прежнего инвестора, которого Пэй Янь бесцеремонно выставил за дверь.

Эта компания когда-то дала Янь Минъяну старт, ее босс помог ему подняться, и теперь Янь Минъян не мог проигнорировать долг благодарности. Он надеялся, что Пэй Янь пойдет ему навстречу.

Но Пэй Янь никогда не считался с чужими интересами.

— Откуда вообще взялся этот господин Ли? — Пэй Янь достал сигарету.

— Обычный прихвостень с полезными связями, — усмехнулся Янь Минъян и услужливо поднес зажигалку. — С ним уже разобрались. Может... закроем тему?

— Пусть тот, кто заварил эту кашу, сам ее и расхлебывает, — в голосе Пэй Яня зазвучали ледяные нотки. — Твой Ли в прошлый раз так напоил твоего «младшего сокурсника», что того всю ночь наизнанку выворачивало.

Янь Минъян удивленно приподнял бровь.

— Какая трогательная забота. Не припомню, чтобы режиссёр Пэй когда-нибудь приводил кого-то на площадку.

— Теперь видишь, — отрезал Пэй Янь, стряхивая пепел.

За окном шумели воробьи. Пэй Янь невольно скользнул по ним взглядом.

«Неужели я и правда так пекусь о Чжоу Дафэе?» — промелькнуло у него в голове.

Обед отнял слишком много времени, и Пэй Янь прибыл на площадку позже обычного. Когда они закончили съемки по плану, стрелки часов уже перевалили за восемь вечера.

Ян Тянь поинтересовался, не хочет ли он поужинать прямо здесь перед уходом. Пэй Янь весь

день курил одну за другой, и пепельница была полна окурков. Он затушил последнюю сигарету и небрежно бросил:

— Нет.

— Спешишь к Чжоу Дафэю? — Ян Тянь слишком хорошо знал своего друга, чтобы не заметить очевидного.

Пэй Янь промолчал, накидывая на плечи пальто.

— Только не води себя так, как за обедом, — добавил Ян Тянь.

— А что я сделал не так? — раздраженно спросил Пэй Янь.

Чжоу Дафэй умудрился выставить его в глупом свете перед Ся Жусэнем. И стоило Пэй Яню попытаться призвать его к ответу, как этот паршивец начал пинаться, осыпать его проклятиями и лихорадочно искать пуговицы по всему салону.

— Сам прекрасно знаешь, — отмахнулся Ян Тянь. — Днем Чжоу Дафэй вышел ко мне в отличном настроении. Даже вежливо расспрашивал, почему у вас натянутые отношения с Ся Жусэнем.

— А стоило ему провести с тобой в машине пару минут, как он вернулся бледный и раздавленный. Опять сорвал на нем злость?

Пэй Янь не стал спорить. Лицо его потемнело, и спустя долгую паузу он лишь глухо обронил:

— Да.

Вернувшись на виллу после обеда, Чжоу Дафэй безвылазно сидел в домашнем кинотеатре. Сам не зная зачем, он запускал один фильм Ся Жусэня за другим.

В картинах мастера Шэнь Цзуй казался живым и трепетным, Лю Хэн — полным юношеского задора, а Дин Инь — простым и искренним. У каждого была своя неповторимая искра. Это кардинально отличалось от бездушных манекенов вроде Хо Ли и Би Цзяцзя, которых Пэй Янь штамповал на своем конвейере.

Но даже этот великий мастер при упоминании любимого фильма вспомнил совсем другое кино.

За долгие месяцы подавления и крушения надежд Чжоу Дафэй впервые ощутил, как осыпаются осколки его иллюзий. Это не было злостью или отчаянием — скорее, глубокое разочарование и щемящее, необъяснимое одиночество.

Обычно люди в минуты неудач мечтают вернуться домой. Но не Чжоу Дафэй. Его родной дом никогда не был тихой гаванью или местом, где его ждали. Это было проклятое место, откуда он всю жизнь стремился сбежать.

Будучи с детства бунтарем, привыкшим полагаться только на себя, он не имел близких людей, способных подарить ему утешение. Ему оставалось лишь свернуться клубком в темноте и молча зализывать раны.

На экране побежали финальные титры, и система автоматически переключила воспроизведение на следующий фильм в списке.

Это была дебютная работа Шэнь Цзюя — та самая картина, за которую Чжоу Дафэй считал Ся Жусэня гением. История о трех мальчишках из захолустного городка, затерянных в мареве знойного лета.

С первого кадра фильм обещал трагический финал, но само повествование дышало безумной жаждой жизни, бунтом юности и отчаянной искренностью подростковых гормонов.

Чжоу Дафэй помнил, как в школе прогуливал уроки ради этого фильма. На дневном сеансе в полупустом кинозале он сидел один в темноте, и у него предательски щипало в носу.

Ни одна картина в мире не находила в нем такого отклика.

Он сидел на полу просторного кинозала Пэй Яня, прислонившись спиной к креслу первого ряда и поджав под себя ноги.

На экране разворачивалась сцена: робкий герой Шэнь Цзюя, которого вечно задирали одноклассники, сидел один в пустом классе во время физкультуры, а мимо окон по коридору проходила девочка, в которую он был тайно влюблен.

Вдруг в тишине зала раздался отчетливый щелчок открывающейся двери. Чжоу Дафэй нахмурился: он помнил этот фильм наизусть, и никаких посторонних звуков в этой сцене быть не должно.

Он слегка приподнялся и прищурился. В левом углу экрана скользнула темная человеческая тень — четкая, стремительная, обладающая идеальной минималистичной грацией.

Силуэт плавно приближался к нему, увеличиваясь в размерах.

Чжоу Дафэй поднял голову и увидел стоявшего перед ним Пэй Яня. Его лицо не выражало абсолютно ничего.

<http://bllate.org/book/19003/1951323>